

УДК 811.511.1

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-3-60-79>

Оригинальная научная статья

Особенности фонетической адаптации апеллятивной лексики прибалтийско-финского происхождения в контексте трансформационного освоения

С. А. Мызников

Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация

Институт лингвистических исследований,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ myznikovs@rambler.ru

Аннотация

Статья является продолжением работы над результатами исследований в области контактов прибалтийско-финского населения со смежными диалектами и языками. В работе представлен анализ процессов освоения ряда единиц прибалтийско-финского происхождения в этимологическом аспекте на широком фоне. Анализ неисконного лексикона осложняется тем, что данные существуют преимущественно в устной форме. В ряде случаев довольно трудно зафиксировать с достаточной полнотой все варианты слова, восходящие к какому-либо одному этимону – как диахронные, так и территориальные. Впоследствии это может привести к некорректным выводам при поиске и разработке их источников. В работе были использованы различные виды источников как по финно-угорским языкам, так и по русским говорам. Значительные материалы были получены в ходе полевых исследований языков и диалектов Северо-Запада. Отмечается, что заимствованные и субстратные карельско-вепсские данные представляют материал, который может иметь различные возможности для этимологического анализа. Трансформации нередко проходят как результат некоторых малочастотных фонетических изменений. Преобразования могут быть следствием поиска внутренней формы слова, причем это может происходить относительно заимствованных и исконных данных. В ряде случаев в ходе этимологического анализа значительного числа диалектных данных языков-доноров и языков-реципиентов удастся выявить своего рода регулярные фонетические изменения, которые помогают верифицировать этимологические версии. Рассмотренные материалы позволяют констатировать разнообразные

© Мызников С. А., 2025

модели преобразования первоначальной формы слова как в процессе заимствования, так и при освоении неисконных данных, которые могут быть вызваны различными обстоятельствами. Чаще всего такого рода процессы происходят на почве фонетических изменений, накапливающихся в ходе бытования лексики в отдельной диалектной системе либо при ее территориальной миграции. Довольно часто трансформационные изменения обусловлены своеобразием локальной диалектной фонетической системы. Особенно характерны различные виды преобразований для лексики, фиксируемой в фольклорных текстах.

Ключевые слова: диалект, лексика заимствование, финно-угорский, прибалтийско-финский, трансформация, освоение, этимология, контакты, воздействие
Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Мызников С.А. Особенности фонетической адаптации апеллятивной лексики прибалтийско-финского происхождения в контексте трансформационного освоения. *Арктика XXI век*. 2025;(3):60–79. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-3-60-79>

Original article

Features of phonetic adaptation of appellative vocabulary of Baltic-Finnish origin in the context of transformational adaptation

Sergey A. Myznikov

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ myznikovs@rambler.ru

Abstract

This article is a continuation of the work on the results in the lexical sphere of contacts between the Baltic-Finnic population and adjacent dialects and languages. The work presents an analysis of the processes of mastering a number of units of Baltic-Finnic origin in the etymological aspect against a broad background. This article is a reflection of some results from the development of this topic. When studying non-native lexicon, its analysis encounters problems mediated by the oral form of existence of such data. In some cases, it is quite difficult to record

with sufficient completeness all variants of a word that go back to a single etymon, both diachronic and territorial, which may in the future lead to not entirely correct conclusions regarding the search and development of their sources. The work used various types of sources both on the Finno-Ugric languages and on Russian dialects. Significant materials were obtained during field studies of the languages and dialects of the North-West. It is noted that borrowed and substrate Karelian-Veps data represent material that may have various possibilities for etymological analysis. Transformations often occur as a result of some infrequent phonetic changes and may also be a consequence of the search for the internal form of a word. This can occur both with borrowed and native data. In a number of cases, in the course of etymological analysis of a significant number of dialect data of donor and recipient languages, it is possible to identify a kind of regular phonetic changes that help to verify etymological versions. The materials considered allow us to state various models of transformation of the original form of a word both in the process of borrowing or assimilation of non-native data, which can be caused by various circumstances. Most often such processes occur on the basis of phonetic changes that accumulate during the existence of a lexeme in a separate dialect system or during its territorial migration. Quite often transformational changes are due to the uniqueness of the local dialect phonetic system. Various kinds of transformations are especially characteristic of the vocabulary recorded in folklore texts.

Keywords: dialect, vocabulary borrowing, Finno-Ugric, Baltic-Finnish, transformation, development, etymology, contacts, impact

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Myznikov S.A. Features of phonetic adaptation of appellative vocabulary of Baltic-Finnish origin in the context of transformational adaptation. *Arctic XXI Century*. 2025;(3):60–79 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-3-60-79>

Введение

Проблема преобразования формы слова, которая происходила в результате его освоения на почве языка-донора, уже рассматривалась автором [1–7]. Статья является отражением некоторых результатов разработки данной темы, основанной на этимологическом анализе лексики в условиях русско-финно-угорских контактов. При исследовании неисконного лексикона его анализ сталкивается с проблемами, обусловленными устной формой бытования такого рода данных. Это характерно

как для русской диалектной речи, так и контактирующих финно-угорских языков. Причем в ряде случаев довольно трудно зафиксировать с достаточной полнотой все варианты слова, восходящие к определенному этимону (диахронные, территориальные). При этом крайне важно в ходе этимологического анализа рассматривать всю совокупность этимологически сходных данных, а не маргинальный вариант, исследование которого нередко затруднено.

Материалы и методы

В работе используются различные виды источников по финно-угорским и русским говорам. Значительное количество материала было получено в ходе полевых исследований языков и диалектов Северо-Запада. Кроме того, использованы материалы из следующих картотек: «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» [8], «Словарь русских народных говоров» [9] и материалы по пинежским говорам Г.Я. Симиной. Также использовались данные из всех русских диалектных словарей и материалы доступных автору словарных картотек. В данной работе применяется сочетание традиционных методов этимологического анализа (детальный анализ фонетических, семантических соответствий взаимодействующих единиц, включение историко-культурного компонента, адаптационные изменения в системе языка-реципиента) с учетом ареальных и лингвогеографических данных. Предпринимается попытка проанализировать с этимологической точки зрения как прибалтийско-финскую, так и северную русскую диалектную лексику в их взаимосвязи между собой и со смежными языками.

Результаты и обсуждение

1) При разработке этимологической версии не всегда можно определить, является ли рассматриваемая лексема основной единицей в системе или окказиональным вариантом. Довольно часто даже небольшое изменение формы слова не всегда может быть замечено исследователями и рассмотрено в гомогенном этимологическом ряду. Так, например, Я. Калима, анализируя лексему *о'льга* 'топкое болото' Пудож. Олон., которое позднее было представлено в Словаре русских народных говоров: *О'льга* 'топкое болото': *Первая застава великая, Ольги топучие*. Пудож. Олон. [10, с. 192], сравнивает данный материал с фин. *alho* 'низина, болото, топь', замечая, что источник заимствования нужно искать в карельских или вепсских диалектах [11, с. 175]. На прибалтийско-финской почве единица *alho* имеет редкие фиксации в финских диалектах 'влажное низменное место, ложбина, болото', 'территория, находящаяся под контролем правителя или другого правителя, провинция', в карельском языке – кар. *alho* 'болотистый луг, дальнее поле, луг', а также, хотя и с

сомнением, авторы Словаря по происхождению финских слов сопоставляют с эстонскими данными: эст. *ahl* ‘узкая, вытянутая впадина в лесу’ [12, с. 69].

При заимствовании русских данных прибалтийско-финскими языками, в большинстве случаев наблюдается переход *о > а*: русск. *обида* > кар. *apie*, *abia*, *abie* [13, с. 25], вепс. *abid* [14, с. 17], фин. *apea*, *apia*, ливв. *abei*, *abie* [15, с. 21].

Можно констатировать передачу адаптации гласных сходным вокализмом при влиянии карельско-вепсских диалектов на русские говоры:

о > о: русск. *ко’да* ‘курятник’, из люд. *koda*, вепс. *koda* ‘курятник’ [11, с. 121], кар. твер. *koda* «клетка, небольшой курятник» [16, с. 108], при эст. *koda* ‘избушка, домик, комната’, водск. *kõta* ‘избушка, кухня’ [15, с. 224];

а > а: русск. *на’довья* ‘сестра мужа’, из вепс. *nado* ‘сестра мужа, золовка’ [14, с. 350], фин. *nato*, люд. *nato*, *nado*, водск. *nato*, эст. *nadu* ‘сестра мужа’ [15, с. 368–369].

Таким образом, если принять версию Я. Калимы, то весьма трудно интерпретировать различие в типах вокализма – прибалтийско-финское [а] – русское [о]. Хотя, следует отметить, что такое соотношение в субстратной лексике русских говоров имеет место только в вологодских говорах, причем смена вокализма происходит уже на русской диалектной почве: ливв. *lahiti*, люд., вепс. *laht*. [15, с. 269] > русск. *ла’хта* ‘залив в озере’ > *ло’хта* ‘залив с низкими берегами’ Кирил., Вытегор. Волог. [8].

Обобщая рефлексy прибалтийско-финской [о] на русской почве, можно выделить следующие результаты:

1 → [о]: *ко’бры* ‘руки’ (вепс. *kobrad*);

2 → [а]: *ка’бры* ‘руки’;

3 → [и]: *ви’ньга* ‘удочка’ (вепс. *onng*), *ки’бры* ‘кисти рук’.

Весьма серьезные затруднения вызывает трактовка варианта *ка’бры*, вокализм которого – [а] на месте прибалтийско-финского [о] не столь типичен, сравнение с коми *кабыр* ‘кулак’ допустимо только на финно-угорской почве вне связи с русскими диалектными данными. Исходя из того, что в диахронии возможно чередование [а] – [о] на прибалтийско-финской почве, возможно трактовать вариант *ка’бры* как единицу прибалтийско-финского субстратного типа. Вероятно, изменение [о] > [и] связано с влиянием саамского типа, ср. фин. *kopsu*, саам. терск. *kīps* ‘рыбьи молока’ [17, с. 180]; фин. *sompa* ‘кольцо лыжной палки’, саам. терск. *siembpe* ‘лыжная палка’ [15, с. 1070]. Кроме того, при заимство-

вании русских данных в ряде случаев в прибалтийско-финских языках на месте [o] фиксируется [i]: русск. *окно* > фин. *ikkuna*, ливв. *ikkun*, кар. *ikkuna* [18, с. 82].

На наш взгляд, совершенно очевидно, что *ольга* представляет собой единичный вариант к слову *о'рга*, которое широко представлено в русских говорах и фольклорных записях, ср., например, у Гильфердинга: – *Тогда зарождалась Вольга богатырь. От его славы богатырю Орги-ты вси приумолкнули, Птица улетела вся под оболочку*. Пудож. [19, с. 247]. Данное слово имеет давно утвердившуюся этимологию, которая связана с карельским влиянием, ср. кар. *orgo* ‘водянистая ложбина, поросшая ельником’, ‘овраг’ [20, с. 59], люд. *org* ‘лощина, низина’ [12, с. 271; 11, с. 176].

2) В ряде случаев субстратные карельско-вепсские данные представляют материал, который, несмотря на кажущуюся схожесть с результатами чередования [р] и [л], тем не менее, следует рассматривать изолированно на карельской и вепсской почвах.

Ша'глы ‘жабры’: – *Через шаглы крючок вытащил, а шарпак-то сломал*. Вытегор. (Ошта, Казаково, Мегра), Медвежьегор. (Падмозеро, Пабережье, Перхино, Загубье, Великая Нива, Толвуя, Ламбасручей, Сенная Губа, Шильтя, Палтега, Касомзеро, Кузаранда, Шуньга, Челмужи), Пудож. (Гаукса, Каршево, Песчаное, Пяльма, Римское, Сумозеро), Сегеж. (Валдай, Вожма Гора), Кондоп. (Гангозеро, Горка, Кулмукса, Колгостров, Лижма, Новинка, Тулгуба), Подпорож. (Курпово, Пидьма, Ульино, Усланка, Шустручей, Яндеба), Прионеж. (Лехнаволоок, Педасельга, Суйсарь), Лодейноп., Онеж., Каргоп., Беломор., Терск. [21]. Слово широко представлено в карельских диалектах, ср. ливв. *šaglat* ‘жабры’ [22, с. 359], кар. сев. *šaklat* ‘жабры’, кар. твер. *šaglat* ‘жабры’, ливв. *šahlat* ‘жабры’ [20, с. 263], при фин. *saklat*, люд. *šaglad* ‘жабры’ [15, с. 951]. Хотя русские диалектные данные в синхронии следует трактовать как карельское заимствование, они не являются исконными на прибалтийско-финской почве, а в свою очередь являются более ранним результатом восточнославянского воздействия. Авторы Этимологического словаря финского языка придерживаются той же точки зрения, исходя из фиксаций фонемы [š] преимущественно в русских заимствованиях [15, с. 951]. Отмечается сходный материал в коми языке, ср. коми удор. *шаглем*, ижем. *шагля* ‘жабры’ [23, с. 428], который можно трактовать двояким образом, как результат коми-прибалтийско-финских контактов, так и севернорусского влияния.

Сходная единица с фонемой [р] в корне фиксируется преимущественно в зонах с вепсским воздействием: *ша'гры*, *ша'гра* ‘жабры’

Прионеж. (Ладва), Медвежьегор. (Есино, Черкасы) [21]. Однако, несмотря на сходство с *шаглы*, имеется возможность прямого сопоставления с вепсскими источниками, ср. вепс. *šagrad* ‘жабры’ [15, с. 951].

3) В ряде случаев в русском диалектном материале и в некоторых лексических единицах прибалтийско-финского происхождения наблюдаются процессы, характерные для говоров обширных территорий. В теоретическом плане данные явления нередко рассматриваются как результаты лексикализации некоторых фонетических особенностей русских говоров, хотя отмечается, что исчерпывающий их набор пока не выявлен. Однако представлен обширный перечень лексикализованных особенностей данного рода [24, с. 35]. В обширном списке зафиксированных чередований согласных имеются фиксации [б] на месте [м]: *губно* ‘гумно’, *бладой* ‘младой’, *блад*, *бладеня*, *блада* ‘молода’, *бладе’нь* ‘младенец’ [24, с. 44].

Имеются также факты [м] на месте [б], как при наличии регрессивной ассимиляции [бм] > [мм], например, *омману’ла* ‘обманула’ Перм. [9], так же, как и в начале слова перед гласными и сонорными: *мерло’га* ‘берлога’ Новг. [25], *муке’тик* ‘букетик’ Пинеж. [26], *мурово’чек* ‘буравчик’ Пинеж. [26], *млины* ‘блины’ Марев. Новг. [21], *мараус* < *бараус* ‘пескарь’ Волхов [10, с. 108], *мочаг* < *бочаг* ‘болото’ Новг. [25], *мукара’ха* < *букараха* Ярослав. [27].

В неисконных данных прибалтийско-финского происхождения также отмечается такое явление: звук [б] на месте этимологически первичного [м].

Тайбина ‘молодая ботва у картофеля’, *та’йбинка* Беломорье [8], *та’йбинка* ‘ботва у репы’ Кандалакш. [8]. Лексемы восходят к карельскому источнику, ср. кар. *taimen* ‘росток, саженец’ [28, с. 143], люд. *taimen*, вепс. *taimen* ‘то же’ [15, с. 1197–1198], кар. твер. *taimen* ‘рассада’ [16, с. 291], ливв. *taimen* ‘рассада’ [22, с. 373], при фин. *taimi*, эст. *taim*, водск. *taimi* ‘то же’ [15, с. 1198]. Имеются также значительные фиксации, фонетически коррелирующие с формой этимона: *та’ймина* ‘всходы, ростки у картофеля, репы’ Кандалакш., *та’йменка* ‘то же’ Кем. Карел. [8].

О.Д. Кузнецова рассматривает фиксацию в словах с [ф] на месте сочетания [хв]: *фост* ‘хвост’ Кадн., Волог. Волог., Олон., Краснояр., *фо’рост* ‘хворост’ Дон., Кубан., как лексикализацию [24, с. 44]. Следует отметить, что в пинежских говорах довольно часто отмечается [х] на месте [ф]: *хи’лин* ‘филин’ Пинеж. (Жабей, Кеврола, Купагора), *хилень’та* ‘птенцы филина’ Пинеж. (Усть-Ежуга), *хило’нить* ‘бездельничать, филонить’ Пинеж. (Матвера) [26].

Также имеются другие русские диалектные данные, где вариативно фиксируются [х], [ф], [п], при доминировании [ф]: *Лахта* 'к' 'большая часть шкуры, материи, бумаги; разновидность тюленя' Русское Устье [29, с. 33]. *Ля* 'птик' 'лоскут, кусок чего-н. (ткани, кожи и т. д.)': *Оторви ляптик*. Медвежьегор. [30, с. 183]. *Лафта* 'снятая с морского зверя шкура с салом' Помор. [31, с. 81]. *Лафта* 'к' 'кусок сала' Пинеж. (Сульца) [26]. *Лафта* 'к' 'обрывок, лоскут' Печор. [32, с. 377]. *Лафта* 'к' 'лоскут, кусок чего-н. (ткани, кожи и т. д.)': – *Кожа у него так и сле-тела лафтаком*. Лоух. Терск. *Ля* 'фтя' 'к' 'то же' Пудож. *Ля* 'фчик' 'кус-сок ткани' Медвежьегор. *Ля* 'фтаки' 'часть огорода': – *Ляфтаки надо скосить*. Медвежьегор., Терск. [30, с. 183]. *Лафта* 'к' 'кусок, обрывок, часть чего-либо': – *Лафтакама помню песню*. Терск. (Варзуга). *Вот какой лафтак кожи*. Терск. (Стрельна) [33, с. 79]. *Лафта* 'к' 'участок земли' Волгогр. [34].

Поскольку эти данные представлены преимущественно на севернорусской территории, а их форма не является прозрачной, этимологические решения оказывались под влиянием ареальной доминанты, т.е. фиксация слова неясной мотивационной основы в регионе с финно-угорскими контактами априори предполагает его неисконное происхождение. Хотя имеются также южнорусские данные – донские говоры Волгоградской области. При семантической доминанте – 'кусок', вряд ли следует сопоставлять с саам. *lottâd* 'толстый (об одежде из шерсти и меха)', как это делает М. Фасмер [35, с. 468]. Не имеет семантических оснований версия Е.А. Хелимского в изложении А.Е. Аникина – из саам. патс. *lahta* 'к' 'затянутая льдом прорубь' [36, с. 354]. На наш взгляд, последнее является составной частью гнезда фин. *lähde* 'источник, ключ, родник', 'устье реки' при карельско-вепсских – ливв., люд., вепс. *lähte* 'прорубь' [15, с. 319]. Вероятно, это довольно поздний вариант, с основой *ласт-*, *лахтови* 'на' 'кусок материи, лоскут': – *Таку ляхтовину вырвешь, столь велику, от шубы-то*. Соликам. Перм. [10, с. 297]. *Ластови* 'на' 'кусок материи, лоскут' Соликам. Перм. [10, с. 282]. Вряд ли значение 'снятая с морского зверя шкура с салом' следует сопоставлять отдельно, в связи с другими прибалтийско-финскими источниками, например, фин. *lahti* 'убой, забой скота' восходит к скандинавским источникам, при швед. *slakt* 'бой' [15, с. 269]; однако оно не имеет отношения к рассматриваемым материалам. Подтверждает мысль об исконном происхождении этих данных фиксация слова в донских говорах.

4) Трансформацию можно наблюдать как результат некоторых нечастотных фонетических изменений, например, вторичный переход [ч] > [с], так же как и [с] > [ч]. *Сало* 'наружное отверстие русской печи,

чело' Павлодар., Горно-Алт., Свердл. [10, с. 65]. Как видно из толкования – преобразование от *чело'* (печи).

Па'чега 'участок леса, отмеченный зарубками на деревьях': – *В пачеге пилили. Это лес, который отмечают. В другую пачегу нельзя заходить.* Вашк. Волог. [30, с. 415]. Представляет собой вариант от *па'сека* 'участок леса, где рубят и пилят дрова' Пудож., Тихв., Бабаев., Кириш., Подпорож., Устюжен., Чудов. 'Место, где вырублен лес' Вытегор., Кондоп. [30, с. 401]. Такого рода фиксации [ч] на месте [с] характерны для Белозерья, ср. *черп* 'серп', отмеченный также в Вашкинском районе Вологодской области, а также в говорах Пинежья: *у'чкать* 'наускивать собаку' Пинеж. [26].

Преобразование формы слова возможно и на фоне языковых контактов с утратой мотивации: *бурса'к* 'таракан' Онеж. [30, с. 143] от русск. *пруса'к* 'таракан', возможно, связанное с прибалтийско-финским влиянием, ср. ливв. *brusakku* 'таракан' [22, с. 29], люд. *brušakko*, вепс. сев. *brusak* 'таракан', кар. *brusakka* 'то же' [20, с. 466], при фин. *russakkai* 'таракан', причем все гнездо русского происхождения [15, с. 882].

5) Преобразование может быть следствием поисков внутренней формы слова, причем это может происходить и на исконных данных, ср.: *гнедо'тка* 'рыболовная снасть' от *недо'тка* 'редкий холст для бредня, невода'; *верш* 'крупный гладкий песок вроде гальки' – из *верста* 'крупный песок' < *гверста* 'мелкодробленый камень, дресва'; *сигаре'тка* 'малек сига, вышедший из икринки в нынешнем году' Борович. и смежн. Новг., нач. XX [10, с. 277] – от *сеголе'тка* 'маленькая рыбка, вышедшая из икринки в этом году' Осташк. Твер., 1903 [10, с. 109].

В зонах языковых контактов фиксируется и преобразование исконной лексики: *я'ницы* 'рукавицы из овечьей шерсти' Пудож. [8; 30, с. 962], при *дяльницы* 'рукавицы' > * *яльницы* > *яницы*.

Перлу'п 'летняя кухня' Пудож. [30, с. 479] – от *приру'б* > *прилу'б* 'небольшое помещение рядом с печкой': – *Прилуб для обору всякой ерунды хозяйской, ка-кое там житье!* Плесец. *У моей пецки прилупа нет, а у братана моего хороший прилуп сделан.* Пудож. *В прилубе цай-то попьешь.* Кирил. Белозер., Волос., Каргоп. [30, с. 196].

Довольно часто такого рода трансформации характерны для неисконных материалов, зафиксированных в зоне контактов, причем они могут быть следствием ассоциативного сдвига, вызванного неясностью внутренней формы, заимствованной или утраты субстратной основы.

Перста'к 'толстый, полный человек; толстяк' Подпорож. [30, с. 480-481] является инновацией, ввиду неясности внутренней формы,

при широко распространенных данных: *перза'к* ‘толстый полный человек, толстяк’ Подпорож. [30, с. 478], *перза'ч* ‘то же’ Подпорож. [21], которые восходят к вепс. *perze* ‘задница – часть тела’ [14, с. 409], ср. словоупотребление у вепсов: *sanged perze* ‘толстозадый’ [21]. В Этимологическом словаре финского языка показан общеприбалтийско-финский характер этого гнезда: фин. *perse*, эст. *perse*, водск. *perze*, ливск. *pierz*, кар. *peršo* ‘зад, задняя часть чего-л.’; из финского языка слово вошло также в швед. диал.: *pārssö* ‘жадный, алчный, привередливый человек’ [15, с. 525–526]. Ср. также: ливв. *perze* ‘зад, часть тела или туловища’ [22, с. 261], ижор. *perz* ‘зад, задница’ [37, с. 400].

В ряде случаев происходит переразложение диалектного слова, приводящее к опрощению его морфологической структуры. Например, фиксируется утрата [в] после звонкой [б] в приставке **-об**.

Оба'лья ‘остатки большего вала сена’ Калинин. [10, с. 347]. *Оба'лыш* ‘остатки сена на лугу; маленькие кучки сена на лугу’ Завид. Калинин. [10, с. 347]. Ср. первичные данные: **об-валя*, **об-валыш*.

Имеется случай, когда на русской почве произошло переразложение, а в прибалтийско-финских языках сохранился общеславянский корень: ср. др.-русс. *обиль* ‘обильный’, *обилие* ‘хлеб в зерне’, болг. *обилен*, сербохорв. *обил*, *обилан* ‘обильный’, словен. *obilje*, чеш. *obilí* ‘хлеб в зерне’, словац. *obilie* ‘то же’, праслав. **obilь* из **obvilь* [35, с. 100–101], при фин. *vilja* ‘хлеб на корню’, ‘зерно, хлеба, мука’ [15, с. 1763], ливв. *vil'l'u* ‘хлеб (в зерне или на корню)’, ‘урожай’ [22, с. 434], вепс. *vil'l'* ‘хлеб (в зерне или на корню)’, ‘жито’ [14, с. 634], водск. *vil'l'* ‘хлеб, плоды’ [38, с. 401], эст. *vili* ‘хлеб на корню’, *viljapiis* ‘плодовое дерево’ [15, с. 1764].

Русские диалектные данные семантически соотносятся с прибалтийско-финскими: *обилье́* ‘хлеб на корню’: – *Жито да ячмень так зовем, это обилье такое растет на полях, мука вкусная*. Сегеж. Онеж. *Оби'лье* ‘то же’ Каргоп., Вытегор. *Обилье* ‘зерно на стебле’ Сегеж. [30, с. 81]. *Оби'лье* ‘количество уродившегося хлеба, урожай’ Конош., Каргоп., Беломор., Волог. [30, с. 81].

В ряде случаев в ходе этимологического анализа значительного объема диалектных данных удается выявить своего рода регулярные фонетические изменения, например, утрату [р] в некоторых позициях. Принятие данного явления позволяет предложить более достоверные версии происхождения отдельных лексических единиц.

Га'йбать ‘медленно, с трудом плыть на лодке, грести’: – *Волна больша, еле гайбали*. Мезен. (Кимжа). *Едет, гайбат, грести не умеет*. Мезен. (Целегора) [39]. **Га'баться** ‘то же’: *Плывет, гайбаться, плавать*

не может быстро. Мезен. (Целегора) [39]. Для этих данных предлагалась ненецкая этимология, при больших трудностях как фонетического, так и семантического характера, ср. ненец. *хаебъсь* ‘проходить, проезжать, преодолевая (какое-либо расстояние)’ [40, с. 74]. Несмотря на то, что передача ненецкого [х] русским [г] встречается редко. Данные материалы можно рассматривать как преобразование глагола *гра’бать* ‘грести веслами’, широко употребляемого в севернорусских говорах, ср. *гра’бать* ‘грести веслами’ Вытегор., Череповец. Беломор., Пудож. [30, с. 382]. Следует отметить, что говорить об автохтонном иноязычном влиянии нет необходимости, ср. коми *койсьыны* ‘грести (веслом)’ [41], поскольку такого рода диалектные факты фиксируются также в псковских говорах, ср.: *га’бить* ‘сгребать (сено)’: – *Наши девчата все габят*. Новорж. Пск., 1957 [10, с. 82].

Ту’ба ‘морда, рыло у животного, в насмешку говорят о человеческом лице’ Помор. [31, с. 175]. При принятии этого варианта за основу возможны попытки нахождения его источников на исконной почве. Ср., однако, *ту’рба* ‘морда животного’ Пудож., Прионеж., Кондоп., Медвежьегор. [21], ‘морда – бранно о лице человека’ Прионеж., Пудож. [21]. Причем вариант с [р] имеет признанную этимологию, Я. Калима возводит данное заимствование к кар. *turba* ‘морда, рыло’ [11, с. 228]. Авторы ‘Этимологического словаря финского языка’, приводя прибалтийско-финский материал: фин. *turpa* ‘морда животного’, ‘рот, лицо человека’, кар. *turpa, turba*, ливв. *turbi* ‘морда, рот’, люд. *turb*, вепс. сев. *turb*, не останавливаются на конкретном языке-источнике. Ср. также морд. эрзя *turva*, морд. мокш. *tärva* ‘губа’, мар. *tə-rβə* ‘губа’, коми *tîrp* ‘губа’ [15, с. 1426; 23, с. 293; 22, с. 393; 35, с. 123].

Имеются случаи вставных фонем, которые не имеют регулярной фонетической основы, например, [ш] в начале слова.

Шря’нда ‘снег с дождем’ Кандалакш. (Княжая Губа) [8] при *ря’нда* ‘то же’ из вепс. *ränd* ‘сырая холодная погода, слякоть, мокрый снег’ [14, с. 489; 7, с. 702].

Шка’рды ‘орудие для чесания шерсти’ Новг. [25, с. 98], представляет собой преобразованный вариант от слова *карда* (варианты *карта*, *кард*) ‘щетка из репейных шишек или проволоки для чесания хлопка и шерсти и начесывания ворса’ [42, с. 256], возводимое авторами к немецкому или голландскому источникам, при современном значении: *карда* – ‘кардная лента – лента из кожи или многослойной прорезиненной ткани, усаженная стальными согнутыми под углом иглами; примен. в чесальных (кардных) машинах’, заимствованное, по мнению авторов, из франц. *carde* ‘шерсточесалка’ [43, с. 221]. Преображенный слову *карда*

‘ворсильная щетка’ дает немецкую этимологию, нем. *karde* [44, с. 298], М. Фасмер не исключает и польское посредство, ср. польск. *karda* [35, с. 196].

В ряде случаев имеется возможность проследить трансформации слова в контактных зонах. *Шли’нак* ‘лоскут, тряпка’ Медвежьегор., Вытегор., Подпорож. [8] соотноситься с лексемой *ли’нак* ‘пеленка для грудного ребенка’ Каргоп., ‘отрез, кусок какого-л. материала, кожи т т.п.’ Каргоп. [8]. При этом имеются семантически сходные данные с начальным [р]: вепс. *ripak* ‘лоскут, тряпка’ [14, с. 473], кар. *ripakko* ‘пеленка; тряпка’ [13, с. 512]. Имеющееся вепс. *šlipak* ‘лоскут, кусок чего-л.’ [14, с. 545] можно рассматривать уже как обратное русское заимствование.

Заключение

Рассмотренные материалы позволяют констатировать разнообразные модели преобразования первоначальной формы слова в процессе заимствования или освоения неисконных данных, вызванные различными обстоятельствами. Эти процессы происходят на почве фонетических изменений, которые накапливаются в ходе бытования лексемы в отдельной диалектной системе или при ее территориальной миграции. Особенно важно отметить, что для отдельного диалектного слова, бытующего исключительно в устной форме и не поддерживаемого письменной традицией, такого рода фонетические изменения могут происходить в разных направлениях. Это нередко сопровождается структурными изменениями формы слова.

Довольно часто трансформационные изменения обусловлены своеобразием локальной диалектной фонетической системы. Особенно характерны различного рода преобразования для лексики, фиксируемой в фольклорных текстах. Однако в ряде случаев, при анализе данных региональных диалектных словарей, не всегда понятно, имеет ли место действительно преобразование, misunderstanding коллектора или некорректность лексикографического описания. Ср., например, представленную в ‘Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей’ единицу: *Ру’качи (I)* ‘ограда, преимущественно деревянная’ Тихв. [30, с. 580] при наличии в этом же районе лексемы *ку’лгачи* ‘ворота в изгороди, отделяющей деревню от поля (иногда с блоком для запора)’ Капш. Ленингр. [10, с. 54]. Последняя имеет этимологическую основу в вепс. *kuiḡač* ‘большие ворота на проезжей дороге’ [14, с. 251].

Сокращения языков и диалектов

Болг. – болгарский
Вепс. – вепсский
Вепс. сев. – прионежский диалект вепсского языка
Водск. – водский
Др.-русс. – древнерусский
Ижем. – ижемский диалект коми языка
Ижор. – ижорский
Кар. – карельский
Кар. сев. – северный диалект карельского языка
Кар. твер. – тверской диалект карельского языка
Ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
Люд. – людиковский диалект карельского языка
Мар. – марийский
Мокш. – мокшанский
Морд. – мордовский
Нем. – немецкий
Польск. – польский
Праслав. – праславянский
Русск. – русский
Саам. – саамский
Саам. патс. – саамский диалект Патсойоки
Словац. – словацкий
Словен. – словенский
Терск. – терский диалект саамского языка
Удор. – удорский диалект коми языка
Фин. – финский
Франц. – французский
Чеш. – чешский
Швед. – шведский
Эрз. – эрзянский
Эст. – эстонский

Географические сокращения

Бабаев. – Бабаевский район Вологодской обл.
Белозер. – Белозерский район Вологодской обл.
Беломор. – Беломорский район Карелии
Вашк. – Вашкинский район Вологодской обл.

Вожегод. – Вожегодский район Вологодской обл.
Волгогр. – Волгоградская обл.
Волх. – Волховский район Ленинградской обл.
Волог. – Вологодская область
Волос. – Волосовский район Ленинградской обл.
Вытегор. – Вытегорский уезд Олонецкой губ.; район Вологодской обл.
Горно-Алт. – Горно-Алтайская автономная обл.
Дон. – Донская обл.
Завид. – Завидовский район Тверской обл.
Зап.-Брян. – Западная Брянщина
Кадн. – Кадниковский район Вологодской обл.
Калин. – Калининская обл.
Кандалакш. – Кандалакшский район Мурманской обл.
Каргоп. – Каргопольский уезд Олонецкой губ.; район Архангельской обл.
Кем. – Кемский район Карелии
Кирил. – Кириловский район Вологодской обл.
Кириш. – Киришский район Ленинградской обл.
Кондоп. Кондопожский район Карелии.
Конош. – Коношский район Архангельской обл.
Краснояр. – Красноярский край
Кубан. – Кубань
Лодейноп. – Лодейнопольский уезд Олонецкой губ.; район Ленинград-
ской обл.
Марев. – Маревский район Новгородской обл.
Медвежьегор. – Медвежьегорский район Карелии
Мезен. – Мезенский район Архангельской обл.
Новорж. – Новоржевский район Псковской обл.
Олон. – Олонецкая губ.
Онеж. – Онежский уезд Архангельской губ.
Осташк. –Осташковский уезд (район) Тверской губ. (обл.)
Павлодар. Павлодарская обл. Казахстана
Петрозав. – Петрозаводский уезд Олонецкой губ.
Перм. – Пермский край
Печор. – Усть-Цилемский район Республики Коми (по р. Печоре)
Пинеж. – Пинежский район Архангельской обл.
Плесец. – Плесецкий район Архангельской обл.
Подпорож. – Подпорожский район Ленинградской обл.
Помор. – Поморье
Пск. – Псковская обл.
Свердл. – Свердловская обл.
Сегеж. – Сегежский район Карелии

Соликам. – Соликамский район Пермского края
Терск. – Терский район Мурманской обл.
Тихв. – Тихвинский район Ленинградской обл.
Устюжен. – Устюженский район Вологодской обл.
Череповец. – Череповецкий район Вологодской обл.
Чудов. – Чудовский район Новгородской обл.
Яросл. – Ярославская обл.

Литература

1. Мызников С.А. Трансформационные изменения формы диалектного слова и некоторые аспекты этимологических исследований. *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов Международной конференции 19–21 октября 2009 г.* М. 2009:158–161.
2. Мызников С.А. Новые диалектные данные и некоторые практические аспекты этимологического анализа. *Язык и прошлое народа: сборник научных статей памяти проф. А.К. Матвеева.* Екатеринбург: Издательство Екатеринбургского университета. 2012:310–327.
3. Мызников С.А. Трансформационные изменения диалектного слова в свете этимологических исследований. *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny. 2012:51–61.
4. Мызников С.А. Разработка неисконных данных в диалектных словарях и проблемы их этимологизации. *Диалектная лексика.* СПб.: «Нестор-История». 2013:239–246.
5. Мызников С.А. Этимологические исследования русской диалектной лексики: исконные и заимствованные пласты. *Perspectives of Slavonic Etymology.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny. 2016:75–81.
6. Мызников С.А. Финно-угорская лексика в Восточной Сибири: верификация этимологических версий. *Северо-Восточный гуманитарный вестник.* Якутск. 2019;2(27):63–69.
7. Мызников С.А. *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов.* М.; СПб.: Нестор-История. 2019.
8. *Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»* (хранится в МСК им. Б.А. Ларина Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
9. *Картотека «Словаря русских народных говоров»* (хранится в Институте лингвистических исследований РАН).
10. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25–46), С.А. Мызников (вып. 47–52). Т. 1–52. М.; Л.; СПб.: Наука. 1965–2021.

11. Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors. 1915 (на нем.).
12. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. О. 1–3. Helsinki. 1992–2000 (на финск.).
13. Федотова В.П., Бойко Т.П. *Словарь собственно-карельских говоров Карелии*. Петрозаводск. 2009.
14. Зайцева М.И., Муллонен М. И. *Словарь венского языка*. Л.: Наука. 1972.
15. Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A.J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. О. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). 1955–1981 (на финск.).
16. Пунжина А.В. *Словарь карельского языка (тверские говоры)*. Петрозаводск. 1994.
17. Itkonen T.I. *Koltan ja kuolalapiin sanakirja*. О. 1–2. Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV. Helsinki. 1958 (на финск.).
18. Kalima J. *Slaavilaisperäinen sanastomme. Suomen kielen Seuran Toimituksia*. Helsinki. 1952 (на финск.).
19. Гильфердинг А.Ф. *Онежские былины, записанные летом 1871 года*. М.; Л. 1949–1951.
20. Virtaranta P., Koponen R. (toim.) *Karjalan kielen sanakirja*. О. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1968–2005 (на финск.).
21. *Полевое лингвогеографическое обследование* (материалы, собранные Мызниковым С.А. в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
22. Макаров Г.Н. *Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)*. Петрозаводск. 1990.
23. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар. 1999.
24. Кузнецова О.Д. *Актуальные процессы в говорах русского языка. Лексикализация фонетических явлений*. Л.: Наука. 1985.
25. Строгова В.П. *Новгородский областной словарь*. Вып. 1–12. Новгород. 1992–1995.
26. Сими́на Г.Я. Словарная картотека пинежских говоров, дар Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН).
27. *Ярославский областной словарь* / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль. 1981–1991.
28. *Impilahden karjalan sanakirja. Toim.* Punttila M. Lexica societatis fenno-ugricaе. XXVII. Helsinki. 1998 (на финск.).
29. Чикачев А.Г. *Диалектный словарь Русского Устья*. Новосибирск. 2005.

30. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб.: СПбГУ. 1994–2002.
31. Подвысоцкий А. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб. 1885.
32. *Словарь русских говоров Низовой Печоры* / ред. Л.А. Ивашко. Т. 1–2. СПб. 2003–2005.
33. Меркурьев И.С. *Живая речь кольских поморов*. Мурманск. 1979.
34. *Словарь донских говоров Волгоградской области* / ред. Р.И. Кудряшова. Волгоград: Издатель. 2011.
35. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М. 1964–1973.
36. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. М.; Новосибирск. 2000.
37. Toimit. R.E. Nirvi. *Inkeröismurteiden sanakirja*. Lexica societatis fenno-ugricae. XVIII. Helsinki. 1971 (на финск.).
38. Tsvetkov D. *Vatjan kielen Joenperän sanasto*. Helsinki. 1995 (на финск.).
39. *Словарь говоров Русского Севера* / ред. А.К. Матвеев. Т. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та. 2001–2018.
40. Матвеев А.К. Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах. *Этимологические исследования*. Екатеринбург. 1996;(6):72–79.
41. Безноскова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. *Коми-роч кывчукор*. Сыктывкар. 2000 (на коми).
42. *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–23. Л.; СПб. 1984–2024.
43. *Словарь иностранных слов*. М. 1989.
44. Преображенский А. *Этимологический словарь русского языка*. М.: Русский язык. 1910–1914.

References

1. Myznikov SA. Transformational changes in the form of a dialect word and some aspects of etymological research. *Actual problems of Russian dialectology and research of Old Believers. Abstracts of reports of the International conference of October 19–21, 2009. Moscow*. 2009;158–161 (in Russian).
2. Myznikov SA. New dialect data and some practical aspects of etymological analysis. *Language and past of the people: collection of scientific articles in memory of prof. A.K. Matveev*. Ekaterinburg: Publishing House of Ekaterinburg University. 2012;310–327 (in Russian).
3. Myznikov SA. Transformational changes in a dialect word in light of etymological research. *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. 2012;51–61 (in Russian).

4. Myznikov SA. Development of non-native data in dialect dictionaries and problems of their etymologization. *Dialectal Lexicon*. 2013. St. Petersburg: Nestor-History. 2013:239–246 (in Russian).
5. Myznikov SA. Etymological studies of Russian dialect vocabulary: native and borrowed layers. *Perspectives of Slavonic Etymology*. Prague: Nakladatelství Lidové noviny. 2016:75–81 (in Russian).
6. Myznikov SA. Finno-Ugric vocabulary in Eastern Siberia: verification of etymological versions. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. Yakutsk. 2019;2(27):63–69 (in Russian).
7. Myznikov SA. *Russian dialect etymological dictionary. Lexicology of contact regions*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History. 2019 (in Russian).
8. *Card index of the Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions* (housed at the Larin BA. Manuscript and Archive Department, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University) (in Russian).
9. *Card index of the Dictionary of Russian vernacular dialects* (housed at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences) (in Russian).
10. *Dictionary of Russian vernacular dialects*. Vols. 1–52 / ed. FP. Filin (issues 1–24), FP. Sorokoleotov (issues 25–46), SA. Myznikov (issues 47–52). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka Publishing. 1965–2021 (in Russian).
11. Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors. 1915 (in German).
12. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. O. 1–3. Helsinki. 1992–2000 (in Finnish).
13. Fedotova VP, Boyko TP. *Dictionary of proper Karelian dialects of Karelia*. Petrozavodsk. 2009 (in Russian).
14. Zaitseva MI, Mullonen MI. *Dictionary of the Veps Language*. Leningrad: Nauka. 1972 (in Russian).
15. Toivonen YH, Itkonen E, Joki AJ, Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Vol. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). 1955–1981 (in Finnish).
16. Punzhina AV. *Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)*. Petrozavodsk. 1994 (in Russian).
17. Itkonen TI. *Koltan ja kuolalapin sanakirja*. O. 1–2. Lexica societatis Fenno-Ugricae. XV. Helsinki. 1958 (in Finnish.)
18. Kalima J. *Slaavilaisperäinen sanastomme. Suomen kielen Seuran Toimituksia*. Helsinki. 1952 (in Finnish).
19. Ghilferding AF. *Ostyak Bylinas Recorded in Summer 1871*. Moscow; Leningrad. 1949–1951 (in Russian).
20. Virtaranta P, Koponen R. (toim.) *Karjalan kielen sanakirja*. O. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1968–2005 (in Finnish.).

21. *Field linguistic and geographical survey* (materials collected by Myznikov SA. during dialectological expeditions on Russian dialects and Finno-Ugric languages) (in Russian).
22. Makarov GN. *Dictionary of the Karelian language (Livo dialect)*. Petrozavodsk. 1990 (in Russian).
23. Lytkin VI, Gulyayev ES. *Concise etymological dictionary of the Komi language*. Syktyvkar. 1999 (in Russian).
24. Kuznetsova OD. *Current processes in Russian dialects. Lexicalization of phonetic phenomena*. Leningrad: Nauka. 1985 (in Russian).
25. Strogova VP. *Novgorod regional dictionary*. Vol. 1–12. Novgorod. 1992–1995 (in Russian).
26. Simina GYa. *Vocabulary card index of Pinet dialects, dedicated to Simina's Vocabulary card index of IRYAZ* (now the card index of SRNG, stored at ILI RAS) (in Russian).
27. *Yaroslavl Regional Dictionary* / ed. GG. Melnichenko. Vol. 1–10. Yaroslavl. 1981–1991 (in Russian).
28. *Impilahden karjalan sanakirja. Toim.* Punttila M. *Lexica societatis fenno-ugricae*. XXVII. Helsinki. 1998 (in Finnish).
29. Chikachev AG. *Dialect dictionary of the Russian Ustye*. Novosibirsk. 2005 (in Russian).
30. *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions* / ed. AS. Gerd. Vol. 1–6. St. Petersburg: SPbGU. 1994–2002 (in Russian).
31. Podvysotsky A. *Dictionary of the Arkhangelsk regional dialect in its everyday and ethnographic usage*. St. Petersburg. 1885 (in Russian).
32. *Dictionary of Russian dialects of Lower Pechora* / ed. LA. Ivashko. Vol. 1–2. St. Petersburg. 2003–2005 (in Russian).
33. Merkuriev IS. *Living speech of Kola pomors*. Murmansk. 1979 (in Russian).
34. *Dictionary of Don dialects of the Volgograd region* / ed. R.I. Kudryashova. Volgograd: Publisher. 2011 (in Russian).
35. Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 1–4. Moscow. 1964–1973 (in Russian).
36. Anikin AE. *Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from Uralic, Altai and Paleo-Asian languages*. Moscow; Novosibirsk. 2000 (in Russian).
37. Toimit. RE. Nirvi. *Inkeröismurteiden sanakirja*. *Lexica societatis fenno-ugricae*. XVIII. Helsinki. 1971 (in Finnish).
38. Tsvetkov D. *Vatjan kielen Joenperän sanasto*. Helsinki. 1995 (in Finnish).
39. *Dictionary of Dialects of the Russian North* / ed. AK. Matveev. Vol. 1–7. Yekaterinburg: Ural State University Publishing. 2001–2018 (in Russian).

40. Matveev AK. New Data on Nenets Borrowings in Northern Russian Dialects. *Etymological Studies*. Ekaterinburg. 1996;(6):72–79 (in Russian).
41. Beznosikova LM, Aibabina EA, Kosnerieva RI. *Komi-Roch Kyvchukörr*. Syktyvkar. 2000 (in Komi).
42. *Dictionary of the Russian language of the 18th century*. Vol. 1–23. Leningrad; Saint Petersburg. 1984–2024 (in Russian).
43. *Dictionary of foreign words*. Moscow. 1989 (in Russian).
44. Preobrazhensky A. *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Russian Language. 1910–1914 (in Russian).

Об авторе

МЫЗНИКОВ Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация; заведующий отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН; заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы, Институт народов Севера, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2972-0656>, WoS ResearcherID: V-1475-2017, Scopus AuthorID: 57989208600, Elibrary AuthorID: 391136, SPIN: 4796-6667, e-mail: myznikovs@rambler.ru

About the author

Sergey A. MYZNIKOV – Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Uralic Languages, Folklore and Literature, Institute of Peoples of the North, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2972-0656>, WoS ResearcherID: V-1475-2017, Scopus AuthorID: 57989208600, Elibrary AuthorID: 391136, SPIN: 4796-6667, e-mail: myznikovs@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Автору не известно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author is member of editorial board of the journal “Arctic XXI Century”. The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted 11.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 09.09.2025

Принята к публикации / Accepted 15.09.2025